

Научная статья

DOI 10.22363/2312-9220-2019-24-3-433-443

УДК 821.161.1:821.581

Роман И. Тургенева «Рудин» в литературоведении Китая

С. Го

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

Роман «Рудин» И. Тургенева переведен на китайский язык в первой половине XX века и позднее получил широкое распространение в Китае, оказав большое влияние на новое поколение китайских писателей. Этот факт совпал со все возрастающим интересом к творчеству писателя со стороны литературной критики. Масштабные исследования, анализ различных аспектов романа способствовали лучшему пониманию китайскими читателями тургеневской прозы и – шире – русской литературы. В статье рассматриваются публикации китайских литературоведов и критиков второй половины XX – начала XXI века, затрагивающие творчество И. Тургенева, отмечается непреходящий интерес китайской аудитории к творчеству русского прозаика, в частности к роману «Рудин». В центре внимания – идея «пути» прозаика к роману; доказывается, что особый интерес ученых к Дмитрию Рудину, главному герою романа, вызван китайской спецификой, актуальностью многих проблем, связанных с этим образом. В статье объясняется эволюция отношения китайцев к Рудину: от согласия с российскими исследователями, полагающими, что он – лишний человек, – до несогласия с ними. При этом Рудин сопоставляется с типически близкими образами в китайской литературе. Анализ произведений И. Тургенева и китайского тургеневедения создает основу для будущих исследований в международных литературных кругах, а также служит вкладом в русско-китайскую литературную компаративистику.

Ключевые слова: китайская литературная критика; лишний человек; Рудин

Введение

Ввиду исторических и культурных ограничений первоначальное изучение И. Тургенева и его творчества проводилось преимущественно в кругу китайских писателей первой половины XX века. В то время в Китае перевод произведений Тургенева находился на начальном этапе, а научные исследования – в зачаточном состоянии, они были относительно поверхностными и бессистемными. С 1950-х по 1970-е годы в Китае исследования И. Тургенева прак-

© Го С., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

тически свелись к нулю. Однако 1980-е годы отмечены стремительным взлетом тургеневедения, основное внимание уделялось героям романов. В 1990-х годах китайские критики начали изучать повести и рассказы Тургенева, провели сравнительный анализ китайских и русских произведений и художественной эстетики творчества.

Роман «Рудин» одним из первых оказался в фокусе интересов китайских литературных кругов. И неслучайно: «Рудин» – первый роман в творческой карьере И. Тургенева, завершённый в 1855 году и опубликованный в журнале «Современник» в 1856 году. Примечательно, что когда переиздание было опубликовано в 1860 году, писатель добавил финал для Рудина. Описание смерти Рудина сделало его образ спорным для читающей публики. Первое издание китайского перевода романа было выпущено в 1957 году, а затем были опубликованы один за другим ещё семь вариантов переводов, что заложило основу для более углублённого изучения художественного текста. Большие результаты принесло исследование романа уже во второй половине XX века, внимание было сконцентрировано на типе и характере главного героя, сравнительном анализе китайских и русских похожих персонажей и художественных характеристик романа.

Споры об образе Рудина в критике Китая

Большинство российских исследователей считают, что Рудин является типичным лишним человеком Тургенева. Следует отметить, что появление образа Рудина было не внезапным, а вполне ожидаемым. В связи с этим, китайский литературовед У Сяоя пишет в своей работе: «Начиная с рассказа “Параша” 1843 года до повести “Вешние воды” 1871 года, Тургенев создает образы “лишних людей”, переходящих в российском обществе 1840–1860-х годов из одного поколения в другое» [10. С. 57]. Утверждается, что Рудин не первый лишний человек, созданный Тургеневым. На этом основании исследователь Чжан Линмин впервые представил четкую «линию Рудина» в творчестве Тургенева, подробно объяснил «процесс формирования, установления и завершения рудинских образов, отражающих понимание и его развитие писателем в контексте освободительного движения русского народа» [14. С. 62]. Автор считает, что некоторые черты Гамлета уже проявляются у героя рассказа «Андрей Колосов» (1844). Герои в рассказе «Гамлет Щигровского уезда» (1849) и повести «Дневник лишнего человека» (1850) в дальнейшем раскрывают особенности русских гамлетов, которые являются фантазерами и утопистами. Затем писатель создал ряд похожих образов в таких рассказах, как «Три встречи» (1852), «Два приятеля» (1854), «Яков Пасынков» (1855), герои которых тоже представляют собой не более чем фантазеров. Только после опубликования романа «Рудин» в 1856 году, «линия Рудина» была окончательно установлена. Из проведенного нами анализа видно, что «линия Рудина» – это линия лишних людей».

Русская литература XIX века дала несколько типов характеров, сформировавших своеобразную галерею типов. Среди них лишний человек и новый

человек являются наиболее типичными. Можно предположить, что термин «лишний человек» стал распространен в русском литературоведении именно с появлением тургеневских произведений. Термин «лишний человек» впервые употреблен в повести «Дневник лишнего человека» (1850). И только после этого он стал общеупотребительным и «вошел в оборот русской литературной речи одновременно с такими популярными произведениями Тургенева, как романы “Рудин”, “Дворянское гнездо” и др.» [3. С. 514]. К характерным чертам лишнего человека относятся, как утверждает Ю. Манн, «душевная усталость, глубокий скептицизм, разлад между словом и делом и, как правило, общественная пассивность» [8. С. 402]. Онегин («Евгений Онегин» А.С. Пушкина, 1831), Печорин («Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова, 1840), Бельтов («Кто виноват?» А.И. Герцена, 1846) – все названные образы являются вариациями типа лишнего человека. У всех этих образов есть некоторые общие черты, но несомненно то, что каждый писатель наделяет своего героя различными индивидуальными особенностями.

Характеристика образа лишнего человека нашла свое отражение и в трудах китайских исследователей. Так, тургеновед Чэнь Кайчжон отмечал, что «Пушкин, Лермонтов и Герцен представляют общественную жизнь России и выражают черты эпохи через изображение образа лишних людей» [12. С. 84]. Действительно, Онегин – лишний человек, который жил в 1820-х годах под влиянием идеи дворянской революции. Он пытался реформировать свое поместье, но никаких результатов не достиг. Жизнь и судьба героя стали основанием для дальнейшего развития представлений о лишних людях в русской литературе. Цюй Цюбэй (1899–1935), один из основателей китайской революционной литературы, отмечал, что «характер Онегина был вызван социальной средой, в которой рухнет крепостное право. Всякий раз, когда рухнет старое общество и пока не создается новое общество, все бесполезные хорошие люди – лишние» [11. С. 480–481]. Печорин – вариант лишнего человека 1830-х годов – отразил беспомощность и отчаяние прогрессивной молодежи после подавления декабристов; Бельтов и Рудин являются примерами аристократической прогрессивной молодежи 1840-х годов, когда кризис крепостного права усиливался, лишние люди проявляли сильное недовольство обществом и стремились что-то изменить. Рудин предпринял много попыток для улучшения, однако он сдавался сразу, как только сталкивался с препятствиями, и в конечном итоге не смог избавиться от удела оставаться лишним человеком. Закljučая характеристику героя, китайский исследователь пишет: «С точки зрения российской общественной жизни и степени критики аристократической интеллигенции, Рудин более типичен, чем образ бывших лишних людей» [12. С. 87].

В «Литературной энциклопедии» (1929–1939) отмечается, что «по своему социальному положению Рудин – самый “лишний человек” 40-х годов» [3. С. 527]. Действительно, китайские ученые на ранних стадиях изучения творчества И. Тургенева в целом были согласны с этой точкой зрения. Так, Гао Вэньфэн, бывший директор Института Северо-Восточной Азии Академии общественных наук провинции Хэйлунцзян, писал: «Эта проблема была решена и подтверждена многими исследователями, и в этом нет никаких сомнений»

[2. С. 24]. Ему вторит специалист по литературным переводам Чэн Кайчжон: «Рудин – дворянин, которого создал Тургенев, является “лишним человеком”, появившимся в русской литературе после Евгения Онегина, Печорина, Бельтова» [12. С. 84]. По его мнению, в изображении лишнего человека Тургенев унаследовал их традиции, подчеркнув, что характер лишнего человека тесно связан с эпохой и социальной средой.

Вышеуказанные исследователи анализировали Рудина как лишнего человека в исторической перспективе. Литературовед Чэнь Шэнь, исследователь Института иностранных языков Академии общественных наук Китая, предложил иную версию, отметив, что нельзя игнорировать и субъективные факторы Рудина, и суть вопроса не в том, что Рудин является лишним человеком, а в том, каким был этот лишний человек по своей природе и как следует к нему относиться. Он считал, что, с одной стороны, винить только Рудина нельзя, вина также лежит и на обществе. С другой стороны, Рудин испытывает недостаток в субъективной инициативе: он может понимать объективный мир, но он не знает, как преобразовать материальный мир в соответствии со своим пониманием. Несмотря на это, по сравнению с критикой Чэн Кайчжон в отношении Рудина, Чэнь Шэнь высоко его оценил: «среди всех “лишних людей” в русской литературе Рудин является самым выдающимся пропагандистом и наиболее квалифицированным пионером и наставником нового поколения» [13. С. 99].

Помимо названных двух статей, стоит отметить, что в 1980–1990-е годы была отмечена кульминация исследований в области русской литературы, на волне которой было опубликовано значительное количество статей об И. Тургеневе. В большинстве работ подтверждается мысль о том, что Рудин является лишним человеком. К ним относятся: «Тургенев и его романы – в честь 100-летия со дня смерти Тургенева» (Се Жуйцзе, Журнал Синьсянского педагогического колледжа, 1983), «Лишний человек – специфический образ в русской литературе» (Чжан Юй, Оценка шедевров, 1984), «Ли Ни и Тургенев» (Сун Найсюй, Зарубежная литература, 1985), «Образы лишних людей в русской литературе XIX века» (Го Сюелю, Вестник Нинсянского университета, 1986), «Интеллигенты в романах Лу Синя и “лишние люди” в русской литературе» (Ли Сяохун, Вестник Синьцзянского педагогического института образования, 1987), «Самокритика аристократического класса – анализ образов “лишних людей” в истории русской литературы» (Чжоу Чун, Вестник Линьинского педагогического колледжа, 1988), «Лишние люди в разные времена и в разных странах – сравнение “Рудина” с “Чэнь Лун”» (Лю Наньчун, Вестник Гуйчжоуского педагогического университета, 1988), «Сравнение между лишними людьми в творчестве Лу Сюня и лишние люди в истории русской литературы» (Сюй Хуэйминь, Вестник Чжэцзянского университета, 1988), «Сходства и различия лишних людей в восточной и западной литературе» (Чжан Ли, Вестник Хэньянского педагогического колледжа, 1994) и т.д.

Рассматривая исследования Тургенева в литературной критике Китая, можно также обнаружить, что начиная с 1980-х годов исследователи выдвигали новые теории, одна из которых – противопоставить Рудина лишним людям. Напри-

мер, в 1987 году литературовед Ли Цзинькуй опубликовал статью под названием «Рудин – не лишний человек», где со всей прямотой утверждал, что тургеневский герой был не лишним человеком, а аристократом с прогрессивными идеями. «Тургенев создал роман “Рудин”, направленный на формирование образа прогрессивной интеллигенции среди аристократов в России в 1840-е годы, а также описание их социальной роли и судьбы в то время» [4. С. 121]. По его мнению, у И. Тургенев проявилась изрядная доля противоречия в отношении к главному герою, отсутствовала глубина понимания роли дворянской интеллигенции из-за классовых различий и ограничений эпохи. И это недопонимание привело писателя к одностороннему изображению Рудина. Принадлежность Рудина к аристократии не позволила ему сблизиться с людьми простого происхождения.

В 1988 году Лин Ягуан, профессор Сычуаньского института иностранных языков, в статье «Пересмотр дела Рудина – сравнение образов “лишнего человека”» также непосредственно указал, что Рудин не является лишним человеком. Он изложил свою точку зрения следующим образом: не все прогрессивные аристократы, отделенные от народа, являются лишними. Ведь Рудин всегда настаивал на своих собственных мечтах и стремлениях. Лишний человек – страдающий эгоист, а Рудин, напротив, альтруист. Жизнь Рудина это жизнь с идеей самопожертвования ради стремления к истине. Лишний человек бесстрастен, пессимистичен и депрессивен, а Рудин оптимистичный и восторженный молодой человек. В отличие от пустых разговоров и фантазий лишнего человека, Рудин активно пропагандировал и действовал.

Кроме вышеуказанных статей, в статье «Является ли Рудин “лишним человеком”?» (1999) Чжу Минлэй пишет, что «заключение о том, что Рудин – “лишний человек”, не соответствует действительности и фактически умаляет эстетическую ценность данного литературного образа» [16. С. 33]. В статье «Новые комментарии к образу Рудина» дается всестороннее подтверждение того, что слова и действия Рудина играют важную роль в развитии и продвижении российского общества. Автор считает, что И. Тургенев правильно оценил историческую роль и подвиг дворянской интеллигенции. В статье «Новые комментарии о образе “лишнего человека” – об образах в русской литературе XIX века» (1999) Чжан Цуйпин настаивает, что «анализ и понимание “лишних людей” не должны ограничиваться лишь российским историческим контекстом первой половины XIX века и требованиями эпохи, предшествующей Октябрьской революции 1917 года, необходимо переосмыслить их в контексте нового времени» [15. С. 69]. Итак, на взгляд автора данной статьи, лишний человек является совершенно не лишним.

В XXI веке дебаты о Рудине как о лишнем человеке приобрели явно смягченный характер. Китайские исследователи начали реже писать об этом феномене, выбрав эвфемистический способ для выражения своих взглядов на образ Рудина. Например, в статье «Страсть и моральное воображение в России: про просветителя Рудина» (2008) исследователь изложил свою точку зрения с трех сторон: жизнь, смерть и социальное значение образа главного героя. Автор подчеркнул, что в середине XIX века, во времена социальной нестабильности, именно Рудин зажег огонь надежды.

Сравнение Рудина с китайскими лишними людьми

В дополнение к спору об образе Рудина, начиная с 1980-х годов, китайские литературные критики сосредоточились на сравнительном исследовании лишних людей в китайской и русской литературах.

И. Тургенев оказал глубокое влияние на знаменитого китайского писателя XX века, героя-революционера Юй Дафу (1896–1945), который «создал первого лишнего человека в истории современной китайской литературы» [6. С. 55]. В статье «Лишние люди в разные времена и в разных странах» автор сравнивает лишних людей в разные эпохи и в разных странах на основании анализа романа «Рудин» Тургенева и повести Юй Дафу «Омут» («Чэнь Лун»). Сначала автор излагает общие черты характеров героев и причины трагедии в обоих произведениях. Главный герой в повести «Омут» – студент, учится в Токио. Беспрецедентная дискриминация и социальное безразличие жизни японского общества вызывает в нем неприязнь к консервативному образованию в феодальном мире Японии. Он любит жизнь, талантлив, но ничего общественно полезного ему не удается свершить, его преследуют неудачи и в любви. Все это приводит к отчаянию, мизантропии и самоубийству. Несмотря на то, что герой повести «Омут» и Рудин живут в разных странах, в разные времена, «оба они видят темноту общества, имеют некое критическое отношение к реальности, одновременно оба они отделены от народы, не могут найти место в обществе» [6. С. 53]. Самая фундаментальная причина их трагедии – «собственная слабость» [6. С. 53]. У двух образов лишних людей было много схожих моментов, но писатели создали персонажей с помощью разных художественных средств. «Тургенев в основном выражал мысли и черты характера Рудина через его язык и действия. Через конфликт между Рудиным и окружающей средой и персонажами выражается конфликт между “лишними людьми” и обществом» [6. С. 54]. В противоположность ему Юй Дафу в основном прямо выражает эмоции и мысли героя с помощью описания его психической деятельности.

Кроме Юй Дафу, Тургенев оказал серьезное влияние на другого писателя – Ли Ни, также создавшего своих лишних людей. В статье «Ли Ни и Тургенев» излагается связь творчества Ли Ни с И. Тургеневым, сопоставляются лишние люди в произведениях обоих писателей. Ли Ни (1909–1968) – прозаик и переводчик, перевел роман «Дворянское гнездо» в 1928 году, когда ему было 19 лет, в 1939 году опубликовал переведенный роман «Накануне», в 1957 году корректировал переведенный роман «Рудин» (перевод Лу Ли). Все тургеневские произведения были переведены на китайский язык с английского. Ли Ни занимался переводом произведений И. Тургенева 30 лет. Несмотря на то что, он не знал русского языка, у него было глубокое понимание творческого искусства русского классика. В его произведениях мы можем увидеть своеобразную «тень» И. Тургенева. Например, в названии повести «Искаженный ноль» (《畸零》), теме, манере повествования и типе характера героя мы обнаруживаем схожесть с творением И. Тургенева. Рассказ «Дневник лишнего человека» был впервые переведен в Китае как «Дневник человека искаженного ноля» (《畸零人日记》) и опубликован в «Литературном еженедельнике»

21 ноября 1926 года. Название повести «Искаженный ноль» взято из тургеневского произведения «Дневник лишнего человека». В романе «Искаженный ноль» молодой художник, назвавший себя лишним человеком, покинул свой родной город, чтобы сбежать в мрачную реальность, отправился в маленькую сельскую школу на севере, где влюбился в медсестру Сунь Инь. У девушки есть свой идеал, она хочет внести свой вклад в освобождение родины и из-за этого им приходится расстаться. «В изображении характера героев Тургенев опирается на контраст между слабостью, некомпетентностью мужчин-интеллектуалов и смелостью, силой героини» [9. С. 49]. Рудина и Наталью можно сопоставлять по характеру с художником и медсестрой в повести «Искаженный ноль». Характер и судьба молодого художника похожи на тургеневских лишних людей: они слабые и некомпетентные, неспособны понять направление своего движения, и их любовь заканчивается неудачей. Различие между ними заключается в том, что тургеневский лишний человек живет в обществе крепостного права и царского деспотизма, а лининский лишний человек сталкивается с безжалостной артиллерией захватчиков.

Можно в качестве примера привести и другие статьи. В таких работах, как «Сравнение лишних людей в творчестве Лу Сюня и лишних людей в истории русской литературы» (Сюй Хуэйминь, Вестник Чжэцзянского университета, 1988), «Интеллигенты в романах Лу Синя и лишние люди в русской литературе» (Ли Сяохун, Вестник Синьцзянского педагогического института образования, 1987), делается попытка сравнительного анализа лишних людей в произведениях Лу Сюня (господин N в повести «Истории о волосах» (1920), Люй Вэйфу в повести «Трактир» (1924), Цзюань Шэн в повести «Ранение и смерть» (1925), Вэй Ляньшу в повести «Одинокий» (1926)) с Онегиным и Печориным, поиска внутренних связей, сходства и различия по характеру образов лишнего человека. Отметим, что сравнительные исследования китайских ученых не ограничиваются только русской и китайской литературами. Чжан Ли в своей статье «Сходства и различия лишних людей в восточной и западной литературе» (1994) даже сравнивает русских лишних людей с японскими.

Таким образом, в разных странах и в разные исторические эпохи, если социальные условия схожи, можно создавать одинаковых или похожих персонажей, что приведет к одному и тому же литературному явлению. Образ лишнего человека существует не только в русской литературе XIX века, но и в литературе Китая первой половины XX века. Это показывает, что литература имеет общность. И литературы разных стран не изолированы. Взаимное влияние писателей и произведений позволяют литературе быть глобальной.

Изучение художественного своеобразия романа «Рудин»

С 1980-х годов в китайских литературных кругах проводят всестороннее изучение художественных особенностей произведений Тургенева, конечно, включая изучение романа «Рудин». Исследователи уделяют огромное внимание психологизму и описанию пейзажа в данном романе. Чжу Сяньшэн в своей статье

«Две характеристики тургеневского реализма» проанализировал психологизм, полагая, что он характеризуется «описанием результата психологической деятельности – действиями персонажей, а не самого психологического процесса. Это чрезвычайно лаконичный подход» [17. С. 16], который также воплощается в органическом сочетании психологизма с описанием пейзажа.

Лу Чжаоцюань демонстрирует символизм в романах Тургенева: частичный символ и общий символ. Автор полагает, что частичный символ в основном отражен в природных пейзажах, таких как Авдюхин пруд, где тайно встречаются Рудин и Наталия, и осенняя ночь, когда в последний раз встречаются Рудин и Лежнева. «Это не просто описание природы, но и символ» [7. С. 83]. Однако китайский автор не объясняет, что конкретно он символизирует. А что касается общего символа, он отражает потенциальную ценность произведения, скрытый смысл образов [7. С. 84]. Рудин как образ является «символом гиганта на словах, но карлика по действию» [7. С. 85].

Общий стиль романов Тургенева – «тонкий, нежный, слегка грустный и пропитанный поэтической элегантностью» [1. С. 117], этот стиль отражен в серии красивых женских персонажей, в изображении природных пейзажей, в психологизме, а также в лирической атмосфере и дискуссиях. В статье «Своеобразии тургеневских романов» (1990) литературовед Ан Бо использует фрагмент рыдания Натальи во время разлуки с Рудиным, чтобы раскрыть художественный прием Тургенева для передачи психологических эмоций героев через их физические движения.

Помимо описательных и изобразительных средств, китайские ученые изучали общие черты всех романов И. Тургенева. Например, в статье «Драматическая особенность в романах Тургенева» (1990) говорится о том, что драматизация выражается в сюжетном конфликте, конфигурации персонажей и структуре сюжета. Автор – Лю Даоцюань считает, что драматизация делает романы И. Тургенева изящными и поэтичными. Но это также делает романы «гораздо менее выразительными, чем произведения Ф. Достоевского и Л. Толстого по жизненной широте, глубине и интенсивности» [5. С. 60].

Заключение

Восприятие и интерпретация образа Рудина в литературоведении Китая в разные периоды можно охарактеризовать как неоднозначное: от согласия с российскими учеными в интерпретации характера (лишний человек) до полемики и несогласия с ними. Не подлежит сомнению, что под влиянием русской литературы и особенно под впечатлением творчества И. Тургенева в первой половине XX века образы лишних людей появились и в китайской литературе. Примечательно, что именно в это время стал развиваться интерес к сравнительному исследованию двух литератур. Следует констатировать, что в настоящее время на фоне достаточно большого количества работ об И. Тургеневе о романе «Рудин» написано немного. С другой стороны, этот роман занял особое место и в китайской критике, и в сознании читателей, породив различные интерпретации и дав импульс для формирования схожих образов.

Список литературы

- [1] *Ан Бо*. Своеобразие тургеневских романов // Вестник Северо-Западного национального колледжа. 1990. № 4. С. 112–120.
- [2] *Гао Вэньфэн*. О смерти Рудина // Исследование зарубежной литературы. 1979. № 2. С. 24–33.
- [3] *Лаврецкий А.* Лишние люди // Литературная энциклопедия: в 11 т. Т. 6. М.: ОГИЗ РСФСР; Советская энциклопедия, 1932. Стб. 514–540.
- [4] *Ли Цзинькуй*. Рудин – не лишний человек // Изучение зарубежной литературы. 1987. № 3. С. 121–126.
- [5] *Лю Даоцюань*. Драматическая особенность в романах Тургенева // Вестник Сучаньского педагогического колледжа. 1990. № 2. С. 56–60.
- [6] *Лю Наньчун*. Лишние люди в разные времена и в разных странах – сравнение романа «Рудин» с романом «Чэнь Лун» // Вестник Гуйчжоуского педагогического университета. 1988. № 2. С. 52–56.
- [7] *Лу Чжаоцюань*. Символизм в шести романах Тургенева // Вестник Ханчжоуского педагогического колледжа. 1988. № 1. С. 82–86.
- [8] *Манн Ю.В.* Лишний человек // Краткая литературная энциклопедия / гл. ред. А.А. Сурков. М.: Советская энциклопедия, 1962–1978. Т. 4: Лакшин – Мураново. 1967. С. 400–402.
- [9] *Сун Найсюй*. Ли Ни и Тургенев // Зарубежная литература. 1985. № 12. С. 45–50.
- [10] *У Сяося*. Образ «лишнего человека» И.С. Тургенева // Русская литература и искусство. 1995. № 6. С. 57–58.
- [11] *Цюй Цюбэй*. Сборник сочинений Цюй Цюбэй. Т. 2. Шанхай: Народная литература, 1959. 755 с.
- [12] *Чэнь Кайчжон*. Тургенев и лишние люди в русской литературе // Иностранная литература. 1986. № 4. С. 84–88.
- [13] *Чэнь Шэнь*. О Рудине // Критика зарубежной литературы. 1990. № 2. С. 95–101.
- [14] *Чжан Лимин*. Линия Рудина в творчестве Тургенева // Вестник Шаосынского педагогического института. 1996. № 1. С. 62–66.
- [15] *Чжан Цуйпин*. Новые комментарии об образе лишнего человека – об образах в русской литературе XIX века // Вестник Пинъюанского университета. 1999. № 1. С. 69–70.
- [16] *Чжу Минлэй*. Рудин является ли лишним человеком? // Вестник Цзямусынского университета. 1999. № 4. С. 33–35.
- [17] *Чжу Сяньшэн*. Две характеристики тургеневского реализма // Исследование зарубежной литературы. 1983. № 2. С. 16–23.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 15 мая 2019

Дата принятия к печати: 29 мая 2019

Для цитирования:

Го С. Роман И. Тургенева «Рудин» в литературоведении Китая // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2019. Т. 24. № 3. С. 433–443. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2019-24-3-433-443>

Сведения об авторе:

Го Сивэнь, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета Российского университета дружбы народов. Контактная информация: e-mail: guosiwen@mail.ru

I. Turgenev's novel "Rudin" in Chinese literary studies

Siwen Guo

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
10 Miklukho-Maklaya St., bldg. 2, Moscow, 117198, Russian Federation

The work of I. Turgenev was translated into Chinese in the first half of the twentieth century and later spread widely in China, having a great influence on the new generation of Chinese writers. At the same time, more and more literary critics began to study the works of Turgenev. Extensive research and analysis, as well as the study of works from different angles, contributed to a better understanding of Turgenev and Russian literature by Chinese readers. The article discusses the publications of Chinese litterateurs and critics from the second half of the 20th to beginning of the 21st century, the work of Ivan Sergeevich Turgenev, notes the enduring interest of the Chinese audience to the work of Russian prose writer, in particular, to the novel "Rudin". Special attention is paid to the prose writer's "path" to the novel; it is proved that the high interest of scientists to Dmitry Rudin, the protagonist of this novel, caused by Chinese specifics and the relevance of many problems associated with this image. The article explains the evolution of the attitude of the Chinese to Rudin: from agreement with Russian researchers considering him as a superfluous person to disagreement with them. At the same time, Rudin is compared with typically similar images in Chinese literature. An analysis of Turgenev's works by Chinese literary critics will provide detailed information for future studies in international literary circles, and can also lay the foundation for finding differences between Chinese and Russian literary criticism.

Keywords: Chinese literary criticism; superfluous person; Rudin

References

- [1] An Bo. Svoyeobraziye turgenevskikh romanov [The peculiarity of Turgenev's novels] // *Vestnik Severo-Zapadnogo natsionalnogo kolledzha* [Bulletin of the North-West National College]. 1990. No. 4. Pp. 112–120.
- [2] Gao Wenfeng. O smerti Rudina [About the death of Rudin] // *Issledovaniye zarubezhnoy literatury* [Study of foreign literature]. 1979. No. 2. Pp. 24–33.
- [3] Lavretsky A. Lishniye lyudi [Superfluous people] // *Literaturnaya entsiklopediya* [Literary encyclopedia]. Vol. 6. Moscow: OGIz RSFSR; Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1932. Columns 514–540.
- [4] Li Jinkui. Rudin – ne lishniy chelovek [Rudin is not a superfluous person] // *Izucheniye zarubezhnoy literatury* [Study of foreign literature]. 1987. No. 3. Pp. 121–126.
- [5] Liu Daoquan. Dramaticheskaya osobennostv romanakh Turgeneva [The dramatic feature in the novels of Turgenev] // *Vestnik Suchan'skogo pedagogicheskogo kolledzha* [Bulletin of Suchan Pedagogical College]. 1990. No. 2. Pp. 56–60.
- [6] Liu Nanqun. Lishniye lyudi v raznyye vremena i v raznykh stranakh – sravneniye romana "Rudin" s romanom "Chen Lun" [Extra people at different times and in different countries – a comparison of the novel "Rudin" with the novel "Chen Lun"] // *Vestnik Guychzhouskogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Guizhou Pedagogical University]. 1988. No. 2. Pp. 52–56.

- [7] Lu Zhaoquan. Simvolizm v shesti romanakh Turgeneva [Symbolism in Turgenev's six novels] // *Vestnik Khanchzhousuogo pedagogicheskogo kolledzha* [Bulletin of the Hangzhou Pedagogical College]. 1988. No. 1. Pp. 82–86.
- [8] Mann Yu.V. Lishniy chelovek [An Excessive Man] // *Kratkaya literaturnaya entsiklopediya* [Brief Literary Encyclopedia] / ed. by A.A. Surkov. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1962–1978. Vol. 4: Lakshin – Muranovo. 1967. Pp. 400–402.
- [9] Sun Naixiu. Li Ni i Turgenev [Li Ni and Turgenev] // *Zarubezhnaya literatura* [Foreign Literature]. 1985. No. 12. Pp. 45–50.
- [10] Wu Xiaoxia. Iskusstvo skulptury i yego ocharovaniye turgenevskim obrazom “lishnego cheloveka” [The art of sculpture and its charm by the Turgenev way of a “superfluous person”] // *Russkaya literatura i iskusstvo* [Russian literature and art]. 1995. No. 6. Pp. 57–58.
- [11] Qu Qiubai. *Sbornik sochineniy Tsyuy Tsyubey* [Collected Works of Qu Tzubei]. Vol. 2. Shanghai: Narodnaya Literatura Publ., 1959. 755 p.
- [12] Chen Kaizhong. Turgenev i lishniye lyudi v russkoy literature [Turgenev and superfluous people in Russian literature] // *Futszyan inostrynnyy yazyk* [Fujian foreign language]. 1986. No. 4. Pp. 84–88.
- [13] Chen Shen. O Rudine [About Rudin] // *Kritika zarubezhnoy literatury* [Criticism of foreign literature]. 1990. No. 2. Pp. 95–101.
- [14] Zhang Liming. Liniya Rudina v tvorchestve Turgeneva [Line of Rudin in the works of Turgenev] // *Vestnik Shaosynskogo pedogogicheskogo instituta* [Bulletin of the Shaosxing Pedagogical Institute]. 1996. No. 1. Pp. 62–66.
- [15] Zhang Cuiping. Novyye kommentarii ob obraze lishnego cheloveka – ob obrazakh v russkoy literature 19 veka [New comments on the image of an extra person – about images in Russian literature of the 19th century] // *Vestnik Pin'yuanskogo universiteta* [Vestnik of the Pingyuan University]. 1999. No. 1. Pp. 69–70.
- [16] Zhu Minglei. Rudin yavlyayetsya lishnim chelovekom? [Rudin is a superfluous man?] // *Vestnik Tszyamusyskogo universiteta* [Bulletin of Jiamusi University]. 1999. No. 4. Pp. 33–35.
- [17] Zhu Xiansheng. Dve kharakteristiki turgenevskogo realizma [Two characteristics of Turgenev realism] // *Issledovaniye zarubezhnoy literatury* [Study of foreign literature]. 1983. No. 2. Pp. 16–23.

Article history:

Received: 15 May 2019

Revised: 20 May 2019

Accepted: 29 May 2019

For citation:

Guo S. (2019). I. Turgenev's novel “Rudin” in Chinese literary studies. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 24(3), 433–443. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2019-24-3-433-443>

Bio note:

Siwen Guo, Ph.D. student of the Department of Russian and Foreign Literature of Philological Faculty of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). *Contacts*: e-mail: guosiw@mail.ru